

религии в повод для развлечений, в свою очередь, объяснялось изменением социальной структуры античного государства и перерождением его идеологических основ: вместо общины граждан, которая в V в. заполняла афинский театр, чтобы услышать от своего согражданина-поэта его мнение по важнейшим вопросам общественного и индивидуального поведения, теперь аудиторию в многочисленных театрах исконно греческого и эллинизированного мира составляли люди, не имевшие никакого отношения к афинянам V в. с их политическими и моральными проблемами. Для Эсхила и Софокла человек представлял интерес как член коллектива, что не мешало тому же Софоклу видеть в нем его человеческие свойства. Для жителей эпохи эллинизма человек был интересен только своими человеческими свойствами, вне всякой связи с коллективом. Отсюда возникла необходимость выделить его из этого коллектива чисто пространственно, зрительно, тем более, что и внутренняя связь индивида с хором становилась все

менее понятной. Этим и объясняется, на наш взгляд, появление логейона и вынесение на него действия, в то время как оркестра осталась местом для музыкально-вокальных интерлюдий. Все дальнейшее — и высокие маски, и высокие подошвы, и последующее превращение актера в поистине устрашающую фигуру — все это только следствие отрыва древнегреческой драмы и в первую очередь трагедии от породившего ее общественно-го строя.

Уже объем нашей рецензии показывает, что Сифакис поднимает в своей книге много вопросов, связанных с историей эллинистической драмы, и привлекает для ответа на них обширный и тщательно обработанный материал. Если все же некоторые ответы остаются открытыми для дискуссии, то это лишь раз подчеркивает и сложность, и недостаточность наших источников, все еще не позволяющих нам создать достаточно полное представление о древнегреческом театре послеклассической эпохи.

В. Н. Ярхо

E. LANGLOTZ, Die Kulturelle und künstlerische Hellenisierung der Küsten des Mittelmeers durch die Stadt Phokaia, Köln und Opladen, 1966, 88 стр., 63 илл.

Небольшая книга Эрста Ланглоца, — несомненно, значительный вклад в историю античного мира вообще и античного искусства в частности. Автор назвал работу «Культурная и художественная эллинизация берегов Средиземного моря городом Фокеей», однако содержание ее выходит за эти рамки. Автор выдвигает проблему существования особой художественной школы, центр которой находился в Фокее и влияние которой вместе с фокейской колонизацией распространилось по берегам Италии, Галлии и Испании.

Э. Ланглоц стал первым исследователем, взявшимся за эту тему. Правда, не было недостатка в работах, посвященных искусству фокейских колоний и греческому влиянию на культуру пеллопоннских, кельтов, лигуров (труды М. Клера, Ф. Бенуа, П. Бош Химпера, А. Гарсиа и Бельидо). Однако в них все это не связывалось с искусством именно Фокеи, не рассматривались общие черты, присущие как западнофокейскому искусству, так и искусству метрополии. Такое положение в значительной степени объясняется слабым знакомством с Фокеей. Раскопок города по существу почти не было — только зондажи Ф. Сартье, прерванные

I мировой войной и греко-турецкими войнами, и недолгие работы Э. Акургала в середине 50-х годов. Большая часть древней Фокеи все еще погребена под землей, город ждет своего исследователя. Работа Э. Ланглоца явилась важным вкладом в изучение Фокеи, ее колоний, их культуры.

В начале своего исследования Э. Ланглоц отмечает благоприятное географическое положение Фокеи — недалеко от устья Герма, который с VII в. до н. э., а может быть и со II тыс., служил важнейшим путем во внутренние районы Малой Азии и далее в Сирию и Персию. Эта прямая связь с Востоком способствовала и экономическому, и культурному подъему Фокеи. Влияние ее чувствовалось в ряде городов Северной Ионии и Эолии. Большое значение придает Э. Ланглоц колониальной деятельности Фокеи. Фокейские колонии появились на берегах Италии, Корсики, Галлии, Испании.

Находки в фокейских колониях и в близлежащих районах, испытывавших их влияние, так же как памятники, найденные в соседних с Фокеей городах, привлекаются Э. Ланглоцем для выяснения роли Фокеи как культурного центра. Во всех этих местах были обнаружены произ-

ведения искусства, зависимость которого от ионийского искусства несомненна, но они отличаются от изделий Милета, Самоса и Хиоса. Чтобы оправдать их связь именно с Фокеей, автор приводит сначала литературные свидетельства, гласящие, что даже во времена Римской империи славилась фокейские художники Телефон и Феодор, жившие, соответственно, в V и IV вв. до н. э. К этому надо прибавить и данные о наличии в Фокее храмов.

Поскольку значительные находки из Фокеи еще не опубликованы, Э. Ланглоц обращается к довольно известным фокейским монетам. Он выделяет следующие типы монет: с изображением головы тюленя (φώκη), являющегося как бы гербом города; с изображениями других животных — кабана, быка, барана, льва, причем тюлень остается на краю монеты как эмблема Фокеи вместо надписи; с головой богини, украшенной серьгами в виде розеток, широкой теньей и жемчужным колье (Э. Ланглоц считает, что это скорее Афродита, чем Артемиды); с головой той же богини с подобными же серьгами и колье, но на этот раз увенчанной лидийской шапочкой. На монетах последнего типа, многочисленных в VI в. до н. э., по мнению исследователя, изображен фокейский идеал красоты того времени: характерный профиль, заостренный толстый кончик носа, несколько западающий рот, выдвинутый вперед подбородок, удлиненные полуприкрытые глаза, мелкие курчавые локоны над лбом, но толстые пряди на затылке, трактованные в виде жемчужин. Всего этого в таком сочетании нет на монетах других ионийских городов. Тот же «фокейский» профиль, считает Э. Ланглоц, встречается на черепках расписной керамики, найденных в Фокее, и на погребальной вазе из Клазомен.

Ученый обращает внимание на найденную в Фокее капитель, которую он датирует концом VI в. до н. э., имеющую пальмовидную форму, какая не встречается опять же в других городах Ионии, кроме Клазомен, находящихся около Фокеи. Подобная капитель обнаружена в массалиотской сокровищнице в Дельфах.

Э. Ланглоц рассматривает и другие памятники Северной Ионии, терракотовые фризы из Фокеи (опубликованы два фрагмента) и Ларисы, остатки храма в Ларисе, где была найдена капитель, датируемая около 500 г. до н. э., и водопроводы в виде голов тюленей вместо обычных львов, изображения Матери богов, сидящей на троне в наиске, какие найдены в Клазоменах, Киме, Мирине и на Хиосе. Во всех этих вещах проявляются те художественные формы, которые отделяют их от произведений Милета, Самоса, Хиоса и Родоса.

Далее исследователь обращается к памятникам Запада. Много нового сулят

раскопки французского археолога Ж. Жесса в Алалии. Правда, архаические слои города (датируемые до 540 г. до н. э.) еще не тронуты, но и в более верхних слоях сделаны интересные находки ионийских ваз. Однако Э. Ланглоц справедливо отмечает, что и в этрусском искусстве очень сильны ионийские компоненты, и поэтому только последующие исследования сумеют показать, обязано ли появление этих ваз Этрурии или городам Великой Греции. Надо сказать, что указания источников (Геродот, Диодор) заставляют думать скорее об этрусках. Не раскопаны еще, к сожалению, и архаические слои Велии. Но все-таки уже можно отметить, как это делает Э. Ланглоц, находку, которую можно типологически и даже стилистически связать с подобными скульптурами из Фокеи и Кимы. Фокейские влияния обнаруживает исследователь в памятниках Пестума, города, как известно, сыгравшего большую роль в основании Велии, эти же влияния и в сосудах так называемого «серого буккера», найденных как в окрестностях фокейского города, так и в ряде других мест Южной Италии. Метопы храма Геракла в устье реки Селе не имеют никаких стилистических аналогий с подобными произведениями Тарента, Локр, Сиракуз и других греческих городов Италии и Сицилии. Лица изображенных там персонажей (Европа, Нерейда) похожи на лица на монетах Фокеи.

Очень важны были бы для темы, трактуемой Э. Ланглоцем, памятники Массалии и ее окрестностей. Однако никакие систематические раскопки здесь были невозможны, и поэтому Э. Ланглоц вновь обращается к монетам: в ряде монет из клада в Орпие обнаруживаются явные стилистические аналогии с монетами Фокеи. Тщательно рассматривает ученый изображения богини в наиске, найденные еще в прошлом веке на ул. Негрель. Датируя их 550—480 гг. до н. э., он выделяет изображения различных богинь: Артемиды, Афины, Афродиты, Левкотей, Кибелы. Некоторые из этих скульптур сходны с кимейской фигурой Богини Матери. Фронтоны наисков самых ранних статуй похожи на формы фронтонов из Велии и Пестума, которые отличаются от обычных в Великой Греции.

Среди находок в Испании Э. Ланглоц выделяет обнаруженную в Альбуфарде маленькую капитель из слоновой кости, по-видимому, оставшуюся от украшения ларя или мебели, которая своими формами подобна ионийской капители из Ларисы. Далее рассматриваются памятники испанской скульптуры, датируемые автором VI—V веками до н. э. В них, как, например, во фрагментах статуй из Серро де лос Сантос, он обнаруживает связь с памятниками Массалии, Фокеи, Клазомен. С восточноионийским искусством ученый связывает и греко-иберийские го-

ловы, признавая в ионийском искусстве именно фокейские черты.

Эти же черты автор обнаруживает и в ряде произведений, найденных вне Ионии и района фокейской колонизации на Западе: вотивный рельеф, ныне находящийся в Берлине, статуя из Аполлонии (надо отметить, что этот город был, вероятно, первоначально фокейской колонией, но позже здесь обосновались мплетцы), часть головки из слоновой кости, найденная в Дельфах.

На основании всех этих данных, прибавив еще монеты из Ламисака (фокейская колония), Тенедоса и Асса, Э. Ланглоц выделяет особую северную группу ионийских произведений искусства; центром этого круга он считает Фокею. Автор отмечает, что «фокейская» скульптура стоит ближе к пластике Самоса и Хиоса, чем Милета, Книда и Родоса. Наиболее близкой она оказывается к изделиям Самоса, но у нее более нежная моделировка поверхности при более сильной напряженности пластической обработки деталей. Она менее пышна, чем хийская скульптура, но обнаруживает восточные влияния, идущие, как кажется, из Лидии по долине Герма. Эти выводы, сделанные Э. Ланглоцем на основании искусствоведческого стилистического анализа, дополняют известные исторические и археологические данные, свидетельствующие о тесной связи Фокеи с Самосом и ее соперничестве с Милетом.

Уже в конце работы Э. Ланглоц обращается к теме, стоящей в названии его труда: эллинизация берегов Средиземноморья Фокеей. Он упоминает о находках греческой керамики в Галлии и Западной Германии, о галльской чеканке, особенно в долине Роны, о знании гелльветами греческого языка, справедливо связывая все это с деятельностью Массалии. Греческое влияние исследователь видит в так называемой «голове Аммона» из Авиньона, в кельтских женских статуях, зависимых стилистически от малоазиатских рельефов Матери богов, причем отзвук ионийской пластики, по его мнению, чувствуется даже на самом севере Галлии в статуе Матери богов из Кана (Нормандия), относящейся уже ко II в. н. э. Много места уделяет автор и связям между Массалией и Римом, говоря о культурном влиянии первой на второй (впрочем, это давно уже стало общим местом).

В заключение Э. Ланглоц указывает на связи Южной Галлии с анатолийским побережьем в позднеантичное время, ссылаясь на происхождение ряда галльских епископов из Малой Азии, хотя и отмечает, что едва ли можно говорить о морской мощи, торговле и культуре Фокеи начиная с IV в. до н. э.

Таково вкратце содержание очень ин-

тересной работы Э. Ланглоца. Главная ценность ее заключается в выделении автором круга произведений, который можно назвать фокейским. Это показывает, что Фокея была не только экономическим и колониальным центром, но и культурным. Значение этого города выделяется еще рельефнее. Конечно, выводы Э. Ланглоца пока еще гипотеза, хотя и очень вероятная. Только новые археологические исследования как в Фокее, так и в ее колониях позволят превратить гипотезу в твердо установленный факт. Может быть, скоро такое время придет. Раскопки в самой Фокее вполне возможны; в Марселе недавно предприняты работы по реконструкции старой части города, чем уже воспользовались археологи, проведя важные работы по выявлению римских слоев; в Ампуриае испанские ученые смогли в 1962 г. начать раскопки Палеополя.

Не все, однако, утверждения автора можно принять. Так, на стр. 26 утверждается, что фокейские монеты появляются только после 545 г. до н. э., т. е. после падения Креза и присоединения Фокеи к Персии. Однако первые монеты этого города с буквой Θ и изображением тюленя чеканятся уже в конце VII в. до н. э., ранние кизикские монеты, создаваемые по фокейскому образцу, датируются серединой этого века (следовательно, образцы появляются еще раньше), а чеканенные в самой Фокее монеты без правильных изображений (Э. Бабелон считает их частными монетами банкиров, но они скорее — государственные, хотя и без выработанной четкой формы) датируются еще более ранним временем¹. Здесь же Э. Ланглоц говорит, что фокейские монеты и их распространение вплоть до Персеполя после 545 г. свидетельствуют об экономическом подъеме города. Автор отмечает, что этот расцвет имел место вследствие интенсификации восточной торговли, — чрезвычайно интересное наблюдение, позволяющее намного правильнее представить историю Фокеи в VI—V вв. до н. э. Однако правильнее было бы отметить не только интенсификацию восточной торговли, но и полную переориентировку торговой деятельности Фокеи. После захвата персами города, если и сохранились старые культурные и психологические связи фокейских колоний с их метрополией (данные, приведенные Э. Ланглоцем, не позволяют в этом сомневаться), то торговые связи были прерваны. И на юге Галлии, и на востоке и юго-востоке Испании отме-

¹ E. B a b e l o n, *Traité des monnaies grecques et romaines*, II, 1, P., 1907, стр. 91—96, 152; А. Н. З о г р а ф, *Античные монеты*, М.—Л., 1951, табл. I, № 10, 11.

чается почти полное прекращение понийского импорта².

К сожалению, надо отметить и прямые ошибки, встречающиеся в работе. Так, несколько раз Э. Ланглоц говорит, что Майнака находилась на месте современной Малаги. Однако на этом месте находилась не фокейская Майнака, а финикийская Малака, как специально подчеркивал еще Страбон (III, 4, 2). На стр. 38 автор упоминает, что раскопки в Лас Росас и Ампуриас выявили слон, датированные после IV в. до н. э. Однако в Лас Росас вообще не было никаких раскопок, а в Неаполе Ампуриаса были проведены после 1939 г. зондажи вплоть до материка, давшие интересный материал, а в Палеополе начались раскопки уже в 1962 г. (материалы опубликованы в 1964 г.)³. Отвечая во время прений по своему докладу (который опубликован отдельной книгой), Э. Ланглоц сказал, что в Восточной Испании не было значительных греческих находок VI в. до н. э. Однако в некрополях Ампуриаса обнаружено большое количество изделий конца VII—VI вв. до н. э.⁴ Изделия VI в. найдены и в местных некрополях Каталонии⁵. Правда, это — керамика, а не пластика, на которую обращается главное внимание в данной работе. И все же утверждение автора, высказанное в такой форме, дает неверную картину состояния археологического обследования Северо-Восточной Испании. Греческие изделия (в том числе и бронзовые статуи) VI в. до н. э. найдены в Юго-Восточной Испании⁶, но о них Э. Ланглоц почему-то не упоминает. Можно ли считать их фокейскими, а если нет, то к какой школе архаической Греции ближе протом грифа из Андалусии, кентавр из Рольоса и сатир из Льяно де Консолосьон?

² Данные об этом см. F. Villard, *La céramique grecque de Marseille*, P., 1960, стр. 33.

³ M. Almagro, *Excavaciones de la Palaiápolis de Ampurias*, Madrid, 1964.

⁴ A. García y Bellido, *Hispania Graeca*, II, Barcelona, 1948, стр. 149—152.

⁵ Там же, стр. 168—169; M. Oliva Prat, *Les fouilles archéologiques de l'oppidum d'Ullastret*, «Actes du 86e Congrès national de Sociétés savantes», P., 1962, стр. 65—67.

⁶ A. García y Bellido, *ук. соч.*, стр. 83—89.

Э. Ланглоц походя упоминает о Помпее Троге как об авторе III в. н. э. (стр. 50). Но ведь Трог — современник Августина; в III в., может быть, жил Юстин, эпитоматор Трога.

В прим. 1 на стр. 10 исследователь приводит список фокейских колоний. Этот список нуждается в известном исправлении и дополнении. Например, о Каларисе как фокейской колонии на Корсике упоминает Диодор (V, 13, 3—4), но уже давно установлено, что Диодор или его источник просто спутал финикийский Каларис на Сардинии с фокейской Алалией на Корсике⁷. Что касается Никей на Корсике, то это — явно этруская колония, ибо одного греческого названия мало для утверждения о фокейском характере ее.

Вызывает некоторое недоумение и неупоминание автором точек зрения, иногда иных, чем его. Так, на стр. 18 Э. Ланглоц отмечает знаменитый бронзовый кратер из Вика. Он при этом просто говорит о тарентинском кратере, доставленном сюда массалиотами. Точка зрения автора рецензии совпадает с точкой зрения автора работы, но мы считаем, что нужно все же было учесть существование других взглядов: кратер создан в Коринфе, а доставили его в Вика этруски через альпийские проходы⁸.

Эти недостатки несколько портят впечатление от книги. Однако в заключение надо подчеркнуть, что в основном эта работа очень интересна и чрезвычайно полезна для всякого исследователя и истории греческого искусства, и истории греческой, в том числе фокейской, колонизации. Теперь во всяком исследовании истории Фокеи и фокейской колонизации, истории культуры, в частности искусства, архаической Греции и ее западной периферии обязательно должны учитываться выводы Э. Ланглоца.

Ю. Б. Циркин

⁷ F. Bilabel, *Die ionische Kolonisation*, «Philologus», Supplbd. XIV, Ht 1, 1920, стр. 240.

⁸ F. Benoit, *La mythe d'Europe et le naissance de la civilisation d'Occident*, «Annales de la faculté des lettres et sciences humaines d'Aix», XXXVIII, 1, 1964, стр. 279; R. Joffroy, *L'oppidum de Vix et la civilisation hallstattenne final dans l'est de la France*, P., 1960, стр. 147—154.